

Исмаилжан ИМИНОВ

В КРАЮ ШЕСТИ ГОРОДОВ, ИЛИ НОВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В АЛТЫШАР

В июле этого года казахстанская экспедиция «По следам Чокана Валиханова», посвященная 190-летию ученого, организованная Almaty Management University (AlmaU), телеканалом Turan TV при участии Национального музея Республики Казахстан, совершила путешествие в Кашгарию (СУАР КНР). В экспедиции приняли участие президент AlmaU Асылбек Кожаметов, генеральный директор Turan TV Роман Ботабеков, директор Национального музея РК Берик Абдыгалиулы и другие. Среди путешественников был и наш постоянный автор Исмаилжан Иминов, главы из книги которого мы предлагаем вниманию наших читателей.

Паломничество к гениальному поэту

Думаю, что среди образованных людей огромного тюркского мира трудно найти тех, кто не слышал бы о великом поэте седой Кашгарии Юсупе Баласагуни (Хас Хаджипа). При въезде в древний Кашгар обратил внимание, что мой коллега Асылбек Кожаметов держит в руках книгу с поэмой классика «Наука быть счастливым» в русском переводе Наума Гребнева.

«Для меня одним из символов древней столицы Караханидского государства является Юсуп Баласагуни, – поделился ученый. – Еще в Алматы начал читать его поэму, желая понять этот древний край. С огромным удовольствием знакомлюсь с дастаном, который создал наш гениальный предок».

Мы знали, что поэт нашел вечный покой в Кашгаре, а одно из самых сакральных мест в городе – это мазар Юсупа Баласагуни, который находится под защитой ЮНЕСКО.

Полуденный зной давно прошел. Стоял теплый июльский вечер. Дул свежий южный ветер. Наша экспедиция подъезжала к мавзолею, который находится неподалеку от исторического центра города. Ещё издали мы начали любоваться его величественной красотой. Мои друзья-спутники попадают сюда

впервые, а я совершил паломничество к мазару гениального стихотворца уже дважды – в 2012 и в 2014 годах.

С трепетом, как будто впервые, со словами «бисмилляхилляхи рахмани рахим» с правой ноги переступаю порог замечательного архитектурного сооружения. Судьба этого мавзолея, как и человека, который в нем покоится, удивительна и полна загадок. Но посещал ли этот мазар Чокан Валиханов, и слышал ли он о великом поэте?

О Юсупе Баласагуни Валиханов не писал. Посмертная слава к поэту пришла позже, об этом мы еще поговорим. Но мазар многие века был известным местом в Кашгаре. Очевидно, любой, кто попадал в шахар, бывал здесь. Ведь на протяжении многих столетий на этом месте находились не только могила поэта, но и единый религиозно-просветительский исламский центр, который состоял из медресе, мечети, приемной выставочного зала и, наконец, самого мазара.

Вспомним, что за время своего пребывания в старинном городе пытливый и любознательный Чокан посетил многие мечети, медресе, познакомился с известными поэтами, учеными, богословами (ахунами), приобрел и вывез из Кашгара редчайшие рукописи, которые сейчас находятся в России, в Санкт-Петербурге.

Безусловно, он видел уникальный комплекс, площадь которого составляет 1900 метров. Этот шедевр уйгурской архитектуры построили кашгарские мастера, впрочем, как и многие другие здания на мусульманском Востоке. Он поражает своей простотой и в то же время торжественностью. В приемной этого потрясающего комплекса мы видим бюст Юсупа Баласагуни, в соседнем помещении – портрет поэта кисти выдающегося уйгурского художника Гази Амета. Снаружи и по краям мазара стоят высокие минареты, а в середине находится величественный купол. Памятник отделан белой плиткой, которой особую выразительность придают уйгурские узоры голубого цвета, тогда как сам купол – темно-голубой.

Мы заходим внутрь мазара и с волнением приближаемся к месту, где нашел покой поэт, живший и творивший почти тысячу лет назад, но слава к которому пришла лишь через восемьсот лет после его кончины.

1796-й год... Столица Османской империи, город Стамбул. Молодой австрийский ученый-востоковед Иосиф фон Хаммер-Пургшаль, который находился на дипломатической службе на берегах Босфора, неожиданно наткнулся на старинную рукопись – поэму Юсупа Баласагуни «Кутадгу билиг», написанную уйгурским алфавитом. Ученый приобрел её и передал в Венскую Королевскую библиотеку. Так Европа впервые узнала о замечательном памятнике XI века. В ученом мире эту рукопись называют Венской или Гератской. Она была переписана в Герате 17 июля 1439 года. Позже рукопись попадает в турецкий город Токат, а оттуда – в Стамбул.

1896-й год. Столица Египта – город Каир. Директор Хадивской библиотеки, немецкий ученый Б. Мориц обнаружил рукопись «Кутадгу билиг», написанную арабским письмом.

И, наконец, 1913-й год. Ферганская долина, город Наманган. Начинающий двадцатидвухлетний ученый А. З. Валидов в личной библиотеке ишана Мухаммада-ходжи Лоляриша наткнулся на уникальную рукопись поэмы Юсупа Баласагуни. Ученые-востоковеды считают, что Наманганская (Ферганская) рукопись – самая совершенная из дошедших до наших дней. Несомненно, все три экземпляра – это рукописи одной книги. Но Венская, написанная уйгурским письмом, несколько отличается от Каирской и Наманганской, сделанных арабской вязью.

Именно в те годы к Юсупу Баласагуни и пришла всемирная известность. «Кутадгу билиг» стали изучать тюркологи во многих странах мира, а в 1942–1943 годах в Турции было осуществлено факсимильное издание всех трех ру-

кописей. Вот такая удивительная, почти детективная история, полная тайн и загадок, произошла с этой поэмой.

Когда я учился в пятом или шестом классе, впервые мне в руки попала поэма классика в русском переводе Наума Гребнева. Книга называлась «Наука быть счастливым». Кстати, идут споры о переводе названия поэмы: различные ученые и переводчики предлагают свои варианты. Перевод Наума Гребнева, выполненный легким и простым языком, нашел своего читателя: он доступен и ученику, и маститому ученому. До сих пор помню наизусть некоторые страницы из этого перевода.

Позже, в 1984 году, уже после окончания филологического факультета КазГУ, я приобрел эту книгу в переводе Сергея Иванова. Перевод назывался «Благодатное знание». Это было академическое издание, опубликованное в Москве в издательстве «Наука» в серии «Литературные памятники». Ответственным редактором и автором послесловия являлся знаменитый тюрколог, академик Андрей Кононов (1906–1986).

«При всей своей моралистической направленности “Кутадгу билиг” не является и не может считаться, как иногда на этом настаивают, книгой сухих этико-дидактических наставлений и поучений. Это философское произведение, в котором анализируется смысл и значение человеческой жизни, определяются обязанности и нормы поведения человека; при этом Юсуф не страшится критиковать общество, в котором он сам живет», – отмечал академик Кононов.

В 1995 году мне подарили книгу «Кутадгу билиг», изданную в Урумчи, в переводе на современный уйгурский язык, где также была дана транскрипция оригинала на латинском алфавите. Научный перевод был осуществлен учеными-тюркологами Абдушукуром Турди и Кадиром Акбаром, которые сумели передать поэтический слог дастана. В 2019 году этот перевод был издан в Алматы на кириллице: публикацию подготовил Садикжан Юнусов, который осуществил и компьютерную верстку книги.

В 1986 году дастан перевел на казахский язык видный казахский ученый-филолог, поэт-переводчик Аскар Егеубаев.

О Юсупе Баласугуни сохранилось мало сведений. Известно, что он родился в городе Баласагуне, в летней резиденции Караханидов, в 1018 году (по другим данным в 1015 или 1016 г.). В детстве и юности получил прекрасное образование. Кроме родного, он также владел арабским и персидским языками. Был знаком с трудами многих великих ученых, поэтов античности и средневековья.

В возрасте 54 лет, по подсчетам турецкого ученого Р. Арата, Баласугуни окончил поэму, над которой работал 18 месяцев, и преподнес её в дар Табгач Бограхану – правителю Кашгара. Благодарный хан пожаловал поэту высокое звание хас хаджиша – «министра двора», «главного камергера». Эта должность стала вторым именем поэта. В современном Кашгаре поэт известен как Юсуп Хас Хаджип.

Большая часть исследователей прошлого характеризовали поэму как дидактическую, но многие современные литературоведы рассматривают её как дастан, посвященный политическому устройству государства. В любом случае поэма «Кутадгу билиг» навсегда вошла в сокровищницу мировой литературы. Многие поднятые в ней проблемы злободневны и сейчас.

В этот вечерний час в мавзолее Юсупа Хас Хаджипа находилась только казахстанская экспедиция. Мы долго стояли, опустив с почтением головы перед могилой поэта и философа. Нуржан Кулумжанов тихо и долго читал мусульманскую молитву, посвящая ее памяти нашего великого предка.

Мы вышли из мавзолея, потрясенные встречей с еще одним гениальным сыном Кашгара и всего тюркского мира, сели под виноградник, который, по словам хранителя мазара, был разбит тысячи лет назад, и еще долго размышляли над таинственной судьбой гениального сына Востока.

В Опале, где покоится Махмут Кашгари

Величайшим сыном седого Кашгара и всего края Шести городов является гениальный ученый-энциклопедист, лингвист Махмут Кашгари. Экспедиция «По следам Чокана Валиханова», посвященная 190-летию Чокана Валиханова, решила совершить паломничество к мазару Махмута Кашгари и отдать дань уважения знаменитому сыну вечного города. К сожалению, побывав у стен мавзолея, мы не смогли попасть в него, но я неоднократно бывал там, поэтому хочу рассказать об увиденном мною в 2014 году.

Известно, что после появления на свет Махмута Кашгари прошло тысячелетие, но земля Кашгарии и других сопредельных тюркоязычных стран пока еще не рождала ученого его уровня. Махмут Кашгари является символом и гордостью древней столицы Караханидского государства. Ученые, поэты, да и простые люди из многих стран мира приезжали в старинный город, чтобы поклониться праху гениального кашгарца.

Гробница ученого находится в пятидесяти километрах от мегаполиса. Коренным кашгарцам это место известно как «мазар хазретим моллам» – гробница святого учителя. Именно так столетиями они уважительно именовали усыпальницу. Мавзолей расположен в гигантском парке, в котором растут тысячелетние чинары. Я с волнением переступал его порог. Здесь нас встречал величественный памятник ученому. На высоком постаменте – белое изваяние Махмута Кашгари в расцвете лет, который с книгой в правой руке уверенно смотрит вперед – в будущее.

Мы остановились возле огромных чинар, мимо которых невозможно пройти. Эти деревья выются, как лианы. Порой даже трудно понять, где находятся их корни. Вспомнив, что где-то здесь я в прошлый приезд встретил родник, तो роюсь увидеть его, попить кристально чистой воды, но почему-то не нахожу.

«Неужели вода ключа иссякла? Не может быть! – мучительно думаю я. – Где мой родник? Он должен быть где-то рядом...» – и, наконец, с радостью замечаю его. Но старинный ключ изменился, я сразу это заметил. Если раньше я мог спуститься к нему, то теперь сделать это было невозможно – родник и чинара, под которой он бьется, огорожены. Очевидно, это вынужденная мера. Руководство мавзолея хочет сохранить их для будущих поколений. Я это понимаю, но всё равно грустно.

Стоя возле родника, облокотившись об изгородь, я разочарованно смотрел на ставший недостижимым источник. Ко мне подошел аксакал.

– Наверное, и вы в прошлом пили воду из этого источника, а теперь, к сожалению, мы с вами этого сделать не можем. Хотите, я расскажу предание об этом роднике и чинаре? – предложил он.

– Конечно, я с удовольствием вас выслушаю.

– Очевидно, вы не хуже меня знаете об удивительной судьбе нашего знаменитого земляка Махмута Кашгари, – начал старик. – Расскажу лишь один эпизод из его жизни. Во время своего вынужденного странствия по миру он попал в Багдад. Тяжело было ему на чужбине. Он скучал, мечтал вернуться на Родину и вновь увидеть Кашгар. В Багдаде Махмут окончил книгу, которую писал многие годы. Известно, что с течением лет человек начинает думать не только о жизни, но и о смерти. Как-то раз он спросил у местного мудреца: «Где я буду похоронен?» – «Ты будешь похоронен там, где взойдет веточка посаженной тобой чинарь», – ответил мудрец.

Прошли годы... Махмут вернулся на Родину – в Кашгар, приехал в селение Опал, где родился, вырос и где покоились его родители. Как-то раз он зашел в рощу, где извивались и тянулись к небу красавицы чинары, и отломил маленькую веточку дерева, чтобы отгонять ею мух. Наступила пора полуденного намаза. Воткнув ветку в землю, он совершил намаз.

Прошло несколько месяцев. Махмут вновь оказался в родном селении и с радостью заметил, что из ветки, которая осталась в земле, выросла красавица чинара. Подошел ученый к дереву, а оно низко поклонилось ему. «Ай! Ай!» – закричал Махмут в испуге, боясь, что чинара сломается. Так и стоит она до наших дней, низко склонив голову, а под нею бьется тысячелетний родник, чью воду пил еще Махмут.

– Поэтому, сынок, кашгарцы с почтением относятся не только к мазару гениального земляка, но и к роднику, и к чинаре, – заключил аксакал.

* * *

Мавзолей Махмута Кашгари находится на высоком холме. Высота самого мавзолея – более семидесяти метров. Он построен в традициях уйгурской архитектуры. Вместе с тем чувствуется влияние и мусульманского зодчества. Разумеется, мазар – это дело кашгарских строителей. Он поражает суровой простотой и торжественностью – как и многие памятники этого края.

Мавзолей состоит из приемной, самой гробницы, большого зала, где висит портрет ученого кисти живописца Гази Амета, небольшого музея, в котором мы можем увидеть бессмертный труд Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» на разных языках мира. К сожалению, я не увидел эту книгу на казахском и русском языках. Если по воле Аллаха я еще раз попаду в Опал, обязательно привезу и подарю музею «Диван Лугат ат-Турк» в русском и казахском переводах, изданных в Алматы.

Выйдя из мазара, я подошел к старому кладбищу, где покоятся представители династии Караханидов, к которой относился и Махмут Кашгари. Оно расположено на холмах, раскинувшихся вокруг мазара. Мы не видим огромных надгробий, нет и надписей, которые указывают, кто там похоронен.

Я сел на траву, задумавшись о судьбе великого энциклопедиста. Махмут Кашгари родился в 1008 году в местности Азих селения Опал, что близ Кашгара – столицы могучего Караханидского государства тех лет. Биографических сведений об ученом почти не сохранилось, но важно одно: это был один из образованнейших и умнейших людей своей эпохи, патриот и гуманист. Известно, что Махмут получил образование в знаменитом на весь мусульманский Восток кашгарском медресе Сажиа. В те годы здесь преподавали многие известные ученые, которые давали своим воспитанникам солидное образование.

Даже спустя многие века мы поражаемся уникальным знаниям Махмута Кашгари. Разумеется, феномен этого ученого-энциклопедиста не мог возникнуть на пустом месте. Однозначно, наставниками знаменитого кашгарца были высокообразованные и одаренные люди. Слушатели медресе Сажиа изучали не только ислам и основы священного Корана, но и иностранные языки, лингвистику, историю, географию, математику, биологию... Думаю, что в те годы в Кашгаре жили и творили многие великие ученые и поэты, но до наших дней, к сожалению, дошли лишь два имени: Махмута Кашгари и Юсуфа Хас Хаджиша.

XI век, когда создавался «Диван Лугат ат-Турк», был веком могущества тюркских племен. В конце X века Караханидское государство, сокрушив иранскую династию Саманидов, создало могучую империю со столицей в Кашгаре. В XI веке тюрки во главе с династией Сельджуков держали под контролем огромную территорию на Ближнем Востоке. Они одержали победу над Византийской империей и захватили Константинополь. Наступила эпоха владычества тюркских племен, распространившихся от Средиземного моря до пустыни Гоби, от Хотана до Казани.

В этих условиях народы, у которых господствовал арабский язык, были вынуждены изучать язык своих покорителей. Для этих целей Махмут Кашгари и написал свой словарь. Влюбленный в язык, литературу, фольклор, в историю

родного народа, ученый объездил многие земли, чтобы изучить язык своих соотечественников и написать об этом книгу.

Очевидно, спасаясь от политических преследований, Махмут Кашгари покинул родной город и после долгих странствий оказался в Багдаде, где написал главную книгу своей жизни. «Диван Лугат ат-Турк» появился в этом городе приблизительно 950 лет назад – между 1072 и 1083 годами. По традиции того времени ученый преподнес её аббасидскому халифу ал-Муктади.

«Диван...» – это не только диалектологический словарь, но и энциклопедия своего времени, написанная гениальным ученым-энциклопедистом. До сих пор исследователи «Дивана...» удивляются, как один человек смог написать этот уникальный словарь. В книге мы найдем материалы не только лингвистического характера, но и по литературе, фольклору, истории, медицине, астрономии, логике, сельскому хозяйству, военному искусству...

В ней также имеется уникальнейшая «Карта мусульманского мира», составленная Махмутом Кашгари, в которой ученый обозначил страны и города, степи и горы, пустыни и реки, озера и леса, где жили многие племена. Это одна из старейших в мире карт, дошедших до наших дней. Даже если бы энциклопедист являлся автором только одной этой карты, он всё равно навсегда остался бы в мировой истории.

* * *

Интересна судьба открытия книги «Диван Лугат ат-Турк» для современного читателя. 1915-й год. Стамбул. Известный турецкий библиофил Али Эмири на столичном рынке случайно обратил внимание на старинную рукопись. Подлинный ценитель старины, он заинтересовался ею и купил. Позже рукопись попала в библиотеку Миллет Генель в Стамбуле. Первое её издание в 1915–1917 годах осуществил К. Рифат. В 1939–1941 годах вышел в свет перевод «Диван Лугат ат-Турк» на турецкий язык, сделанный Аталаем. С того времени книга стала достоянием научной общности. С годами интерес к ней лишь возрастает.

Впервые о достоянии кашгарце я услышал в далеком детстве от отца Абдыкадыра кари. Также читал о нем в школьных учебниках. В начале 1980-х годов, уже после кончины отца, прочитал в газете на родном языке новость, что книга «Диван Лугат ат-Турк» вышла в Урумчи на современном уйгурском языке в переводе Ибрахима Мутии, Имина Турсуна, Мирсултана Османова и других.

Я написал письмо в Кашгар брату отца – Якубу Имину с просьбой прислать экземпляр этой книги. Вскоре получил очень важную для меня посылку: дядя прислал первый том знаменитого словаря. Так началось мое знакомство с «Диваном...». С этой книгой я не расстаюсь до сих пор. В 2018 году уйгурский перевод «Дивана...», выполненный в СУАР КНР, был издан в Алматы на кириллице. Издание подготовил к печати Садикжан Юнусов. Книга была опубликована на средства мецената Сабита хаджи Юсупова.

С особым интересом я познакомился с переводом «Дивана...» на русский язык с оригинала, сделанный Зифой-Алуа Ауэзовой. Это был долгожданный перевод – событие не только в тюркологии, но и во всем востоковедении. Ещё в начале 80-х годов я читал, что планируется такой перевод, но он оказался под силу ещё молодой, скромной женщине, большому ученому Зифе-Алуа Муратовне – внучке другого знаменитого тюрка, одного из моих любимых писателей Мухтара Ауэзова. Трудолобивая и талантливая женщина сделала то, что не смогли целые институты. В первый раз я прочитал ее перевод как интересный роман, ну, а сейчас открываю книгу с любой страницы, и мне всякий раз интересно погружаться в мир тюркских наречий далекого XI века.

В 1997 году в Алматы был опубликован перевод знаменитого словаря на казахский язык, подготовленный замечательным ученым-литературоведом, по этому Аскарком Егеубаевым (1950–2006).

Ходжа Насреддин в Кашгаре

Недалеко от гостиницы, где жили члены нашей экспедиции, стоит памятник Ходже Насреддину. Я сразу узнал старого знакомого – веселого друга из моего далекого детства. Он сидит на осле, напевая мудрые песни, навеянные горьким и радостным жизненным опытом. Анекдоты о нем я слышал от отца. Одной из любимых моих книг является «Повесть о Насреддине» Леонида Соловьева. Диалогия состоит из двух частей: «Возмутитель спокойствия» и «Очарованный принц». Считаю, что эта одна из лучших книг в русской литературе XX века. До сих пор удивляюсь, как русский писатель смог проникнуть в мир восточной культуры, фольклора и создать этот литературный шедевр.

Каждое раннее утро, проведенное в Кашгаре, я подходил к памятнику, здоровался с Насреддином и, пожелав ему и всем жителям края Шести городов хорошего настроения, начинал заниматься своими делами. Вечерами выходил из гостиницы и до полуночи гулял по улицам седого сахара. «Интересно, какое отношение Ходжа имеет к Кашгару?» – думал я. Однажды разговорился с одним почтенным аксакалом лет восьмидесяти пяти и задал ему этот вопрос.

– Сынок, разве ты не знаешь, что Насреддин родился и вырос в Кашгаре во времена Караханидов в XIII веке? Подолгу жил в соседней Бухаре, странствовал по многим странам Центральной Азии, Кавказа, Ближнего и Среднего Востока, путешествовал даже по Балканскому полуострову.

– А почему Ходжа Насреддин веселый и мудрый?

– Не забывай, что Насреддин – уроженец Кашгара, где люди издавна больше всего ценили веселье и свободу. А почему он мудрый? В нашем городе все мудрые! В те годы ходжами называли учителей. У нас его еще именовали Афенди (Апанди). Это слово означает «учитель» и «господин». Прожил весельчак большую жизнь, а на финише – вернулся на Родину и нашел покой на кладбище Опала, где лежит в одной из безымянных могил.

Я подумал: «Может быть, действительно Ходжа Насреддин родился в Кашгаре, ведь не случайно в этом городе о нем слагают легенды и стоит посвященный ему памятник». Турецкие ученые-фольклористы утверждают, что Ходжа Насреддин действительно жил на свете. В результате их изысканий в турецком городе Акшехире в Малой Азии даже была найдена его могила. Согласно высеченной на ней надписи, Ходжа Насреддин умер в 386 году хиджры, то есть в 993 году по европейскому календарю.

Как считают арабские исследователи, Ходжа – это Мохаммед Насреддин, придворный халифа Гаруна аль-Рашида, который правил в VIII веке в период расцвета халифата. Существует также мнение, что прообразом Ходжи Насреддина был известный ученый Ходжа Насреддин, живший в XIII веке в Азербайджане. В этой стране его еще именовали «молла». Часто Насреддина связывают с именем среднеазиатского правителя, полководца эмира Тимура – Тамерлана, при дворе которого и жил прославленный весельчак в конце XIV – начале XV веков.

Анекдоты о Ходже Насреддине были широко распространены и среди казахов: они называли его «Ходжа Насыр» и тоже считали своим земляком. Конечно, с веселыми рассказами о Ходже Насыре с детства хорошо был знаком и Чокан Валиханов.

В сборнике «Двадцать три Насреддина», который подготовила к публикации главная редакция Восточной литературы Академии наук СССР, собрано более тысячи анекдотов. Почему книга так называется? Известный ученый, книгоиздатель В. Бутромеев отвечает на этот вопрос так: «Двадцать три народа – от аварского, персидского и турецкого до уйгурского, хорватского и чеченского – считают Ходжу Насреддина своим земляком».

Ходжа Насреддин – это фольклорный герой разных народов. Кашгарский Апанди, как и его собратья у других народов, любил посмеяться не только над недостатками людей власть имущих и богатых, но и над самим собой. Его веселые шутки помогли многим людям пережить самые трудные времена.

В завершение рассказа о любимце «двадцати трех» народов приведем несколько мудрых притч, услышанных от аксакала в Кашгаре.

Друзья

Когда Насреддин Апанди служил судьей, его спросили, много ли у него друзей. «Сейчас невозможно установить. Вот когда я покину свою должность, тогда легко их будет сосчитать», – ответил мудрец.

Мудрость

Ходжу Насреддина спросили, что значит быть мудрым. «Не спорить с дураками и не идти наперекор судьбе», – ответил Апанди.

О помощи

«Кому не нужно помогать?» – спросили Насреддина Апанди. «Ленивому», – моментально ответил он.

Щедрый ответ

Один богатый кашгарец пригласил Насреддина в гости и спросил: «Многоуважаемый Ходжа, какое угощение вам лучше приготовить – лагман или манты?» – «А у тебя что, в доме только один котел?» – ответил Апанди.

Новый облик седого города

Я неоднократно бывал в краю Шести городов. В последний раз посетил Кашгар в 2014 году. С тех пор в нем произошли разительные перемены. Появилось много высоток, где в основном живут люди, переехавшие из Внутреннего Китая. Мы также увидели новые многоэтажные дома, которые почему-то не были заселены жителями. На улицах мегаполиса стало больше легковых автомобилей и меньше мотоциклов, мопедов. Водители стали лучше соблюдать правила дорожного движения.

Мне нравилось гулять по Кашгару или Хотану ночью. Я садился где-нибудь на скамейку и наблюдал за горожанами. Все коренные жители Алтышара говорили на родном языке, но владели и китайским. В музеях нам предлагали выбрать гида по языковому признаку. Часто проводниками у нас выступали девушки, которые знакомили с историей мемориала на уйгурском языке: в таких случаях переводчиком для своих спутников выступал я.

Как-то раз мы посетили музей истории края после падения Цинской империи, расположенный в пригороде Кашгара. Молодая женщина-гид рассказала нам об экспонатах на уйгурском языке. В музее я познакомился и с его директором – высокой, симпатичной девушкой, внешне отличавшейся от соплеменниц, которых я видел в предыдущих экспедициях в СУАР КНР. Ухоженная красавица была одета в европейское платье выше колен. Между собой сотрудницы разговаривали на китайском языке.

Я представился, рассказал им о Чокане Валиханове и целях нашего путешествия. Женщины великолепно владели родным языком, но сказали, что в государственных учреждениях им рекомендуют говорить на китайском. Я также узнал, что директор музея получила университетское образование во Внутреннем Китае, а гид является выпускницей полной средней школы (по своей структуре эти учебные заведения напоминают наши колледжи).

Такла-Макан – великая пустыня в сердце Азии

Наша экспедиция направлялась из Кашгара в Яркент, а оттуда – в Хотан. Мы медленно ехали по прекрасной шоссейной дороге. До Яркента по обеим сто-

ронам еще встречаются ухоженные поля с посевами различных сельскохозяйственных культур и садами. Дальше в основном видны лишь бескрайние просторы пустыни Такла-Макан.

Удивительно, что символами края Шести городов являются не только Кашгар, Яркент или Хотан, но и великая пустыня Такла-Макан, которая расположена в центре уйгурской земли, а в её оазисах испокон веку живут коренные жители.

Выходим из автомобилей. Я беру в ладони песок знаменитой пустыни и внимательно вглядываюсь в него. Мне всегда казалось, что песок всюду одинаковый, но этот был мельче того, который я встречал у себя в Казахстане – на берегу горной реки Каргалы. Такла-Макан – крупнейшая песчаная пустыня в мире. Её площадь составляет почти 337 квадратных километров. О семантике слова «Такла-Макан» много споров, но, очевидно, правы те, которые считают, что в переводе оно означает «брошенная земля».

Думаю, в песках этой пустыни погребены многие города, селения, покинутые её жителями. Почему это произошло? Изменились ли климатические условия? Или вмешался человек? Ответить на эти вопросы сейчас почти невозможно. Но мне кажется, что в первую очередь виноват сам человек.

Хотел бы поделиться с читателями своими размышлениями по поводу такой версии. Реки текли с гор Тянь-Шаня на север, а с Куньлуня – на юг. Их истоки находились на высоте шести или даже семи тысяч метров – там, где таяли ледники... По берегам рек разместились различные государства, города, села. Но, вероятно, начались кровопролитные войны. Сначала захватчики уничтожили большинство жителей, а потом пески одолели населенные пункты.

Казахский ученый Чокан Валиханов пишет: «Если верить туземным (уйгурским) писателям, песок этот переносится, подобно африканскому, и засыпает целые города». Загадку Такла-Макана пытались разгадать многие ученые, но самыми удачливыми оказались английский исследователь венгерского происхождения сэр Аурел Стейн (1862–1943) и швед Свен Гедин (1865–1952).

В 1900–1901 годах во время своего путешествия в Восточный Туркестан Аурел Стейн совершил экспедицию и в пустыню, где им были сделаны археологические раскопки в развалинах городов Дандан-Уйлык, Равак, Ния и Эндере. Ученым были обнаружены остатки стен буддийских храмов, где изображены Будда и различные религиозные сюжеты. Неподалеку от древнего города Ния ученый увидел почти 200 деревянных табличек с надписями на различных письменностях. Подобные таблички были найдены и в других мертвых городах. В Эндере ему удалось обнаружить крепость и часовню, а в Раваке – барельеф. Находки были очень древние. Они рассказали о том, что жители покинули эти населенные пункты в IV–V веках.

Другим счастливым исследователем загадочной пустыни является шведский ученый Свен Гедин. В 1900 году он нашел город Кироран. Что это был за город? Когда он существовал? На эти вопросы до сих пор нет полных ответов. Некоторые историки утверждают, что он существовал ещё в 200-м году нашей эры.

В пустыне было обнаружено немало мумий. В 1980 году мир облетела весть о том, что найдена уникальная, отлично сохранившаяся мумия молодой женщины, которая получила название «Кироранская красавица». Это была девушка европеоидной расы с русыми волосами, чей рост составлял 180 сантиметров. Рядом с ней лежали тела пятидесятилетнего мужчины и трехлетнего ребенка с «бутылочкой» из коровьего рога и соской из овечьего вымени. Европейские ученые сравнивают Кироранскую красавицу с кельтскими женщинами. Странно, но почему не с уйгурскими?

Вспомним знаменитый портрет национальной героини Ипархан кисти итальянского живописца Кастильоне. На нас смотрит кашгарская красавица с ев-

ропейскими чертами лица. Таких красавиц в краю Шести городов мы встретили немало. Особенно много их в городах Яркент и Хотан.

Я большой любитель истории. Любимый мой раздел – история Древнего мира. Еще в детстве с интересом зачитывался книгами о Древнем Египте, Элладе, Риме, Востоке и, разумеется, знал, что бальзамирование – это целая наука. В Древнем Египте ею владели только жрецы. Именно они делали мумии из тел скончавшихся фараонов. Это был своеобразный протест против смерти. В 1924 году в СССР после кончины Ленина была создана целая научная лаборатория для сохранения тела вождя. Она действовала прямо при Мавзолее.

Но в чем секрет того, что смогли хорошо сохраниться тела многих жителей городов и сёл, которые в прошлом жили на территории пустыни Такла-Макан? Дело в том, что захоронения находились в песках, на глубине пяти метров, на открытой и возвышенной местности. Страшная жара, сухой климат создавали стерильные условия. В результате тела покойных превращались в мумии. Поразительно, но хорошо сохранилась и одежда людей. Некоторые мумии находятся сейчас в историко-краеведческих музеях Хотана и Урумчи.

В 1925 году пустыню Такла-Макан и седой Хотан посетили великий художник Николай Рерих и его сын, ученый-востоковед Юрий. Разумеется, Рерихи знали об экспедиции английского ученого-археолога Аурела Стейна. В городе они знакомятся с его помощником – хотанцем Батруддинханом, который показал большую коллекцию исторических находок, собранных в пустыне. Она состояла из гипсовых головок Будды, кувшинов, фрагментов фресок, глиняных ступ, светильников, фигурок животных, табличек на древних языках.

Путешественники побывали на развалинах домусульманского Хотана, который лежит в пяти километрах от современного города. Среди европейских гостей и местных жителей есть люди, которые самостоятельно занимаются археологическими раскопками. В связи с тем, что почти все находки совершаются ими в пустыне, уйгуры называют их «такламанчи». Свои сокровища, а часто и подделки, они продавали богатым иностранцам. Большая часть коллекции Батруддинхана сейчас находится в музее Хотана.

Да, много тайн зарыто в песках Такла-Макан, но надеюсь, что хотя бы часть из них будут открыты... С этими мыслями я покидаю пустыню.

Туранговые леса Такла-Макан

Пустыня Такла-Макан знаменита уникальными туранговыми лесами. Члены нашей экспедиции не раз видели дерево туранга, которое издавна растет во многих районах Казахстана. В прошлые свои приезды мне посчастливилось побывать в туранговом лесу в Такла-Макан. Вот об этом и хочу рассказать.

Внедорожник уверенно, но медленно двигался по трассе, проложенной через пустыню Такла-Макан. Я видел унылые солончаки, которые пролегли по обеим сторонам дороги. Изредка из-под барханов стали появляться засохшие деревья, вслед за ними – одинокие зеленые деревья, а потом неожиданно появился лес. Трудно было поверить, что это не мираж, а реальный лес, лес из туранги – евратского тополя!

Туранга – это реликтовое дерево, одно из старейших на планете. Ему более 135 миллионов лет. Специалисты называют его «живое окаменелое растение». Туранга, растущая в пустыне Такла-Макан, – особый ее подвид. Таинственное дерево растет в суровой природной среде, в низинах пустыни, где летом стоит страшный зной, а зимой – лютый холод. Такламаканская туранга доживает до тысячи лет, а потом, упав и не тлея, может лежать в песках ещё тысячу лет. Но самое удивительное заключается в том, что из упавшей туранги, засыпанной песком, могут появляться зеленые ростки, которые вновь превращаются в деревья.

Трудно представить жизнь местных жителей без туранги. За выносливость, за любовь к жизни хотанцы называют это дерево «батыром» и считают его красивейшим в этом огромном крае. Узнав ближе жизнь и характер проживающих здесь людей, я понял, что не только виноград, но и туранга являются символом Кашгарии. Ведь уйгуры издревле жили не только в оазисах, но и в пустынных или полупустынных местах, на берегу озера Лобнор или кочующей реки Тарим, где просто невозможно представить жизнь местного населения без этого уникального дерева.

Еще недавно большинство предметов домашнего обихода люди делали из туранги. Это посуда, ложки, сундуки, повозки... До принятия ислама из нее изготавливали и гробы. Знаменитые колонны в старинных мазарах и мечетях края тоже в основном сделаны из туранги. Трудно было бы выжить жителям Алтышара без этого дерева.

Мы вышли из автомобиля и зашли в лес. Хотя вместо привычной почвы под ногами чувствовался песок, на деревьях разной формы щебетали птицы. Вот высокая туранга, которая тянется к небу. Рядом с нею приземистая, но с широкой кроной, раскинувшаяся на несколько десятков метров. А у этого дерева часть веток высохла и отломилась, наверное, еще несколько веков назад. Но оставшаяся часть пышет ярко-зелеными листьями. Взяв в руки небольшую ветку, я удивился: впервые в жизни встретил дерево, у которого листья различной формы и размеров. Взял себе несколько листьев – на память об этом таинственном дереве.

В древнем лесу стоял приятный запах. Его издавала именно туранга. Здесь легко дышалось. Хотя лес и пустыня – антонимы, но в Такла-Макан они смогли мирно ужиться и гармонично сосуществовать.

Яркенд – город ханов и музыкантов

Наша экспедиция подъезжала к Яркенду – городу, который мечтал увидеть Чокан Валиханов, но так и не увидел – как говорится, не судьба... Он покинул край, так и не встретившись с седым сахаром (я об этом еще расскажу). Но в книге «О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов...» он оставил нам уникальные записи, посвященные Яркенду середины XIX века.

Казахский ученый пишет: «Яркенд самый большой из туркестанских городов, бывшая резиденция ханов и потом ходжей, стоит между двумя рукавами реки Яркенд-Дарьи. В Яркенде насчитывается до 32 000 домов (он был одним из крупнейших городов в Центральной Азии тех лет, семьи горожан были многодетные, значит, здесь проживало не менее 180 тысяч человек – *И. И.*). Город окружен стеной до восьми сажен высоты и до 25 верст в окружности с четырьмя воротами, имеет 4 сарая (дворца), 70 медресе и одну тынзу (полицию) близ большой мечети – регистан. По главной улице от ворот Алтын-дарваза до ворот Кабагат расположены все лавки, магазины, таверны, сараи и, наконец, торговая площадь Чарсу.

Китайская крепость лежит в двух верстах на запад от мусульманского города, окружена стеной, которая выше и толще кашгарской, имеет 2 200 человек гарнизона».

Яркенд находится примерно в двухстах километрах к востоку от Кашгара. Древний шахар – это крупный мегаполис. Мы проехали по центральным улицам, побывали на окраинах, посетили исторические места легендарного города. Населения в нем, несомненно, не меньше, чем в Кашгаре. Этот город, который многие века был добрым соперником вечного Кашгара, сыграл огромную роль в истории уйгурского народа и известен как столица Уйгурского Саидийского государства, существовавшего с 1514 по 1679 годы.

В этом печальном, как его называют уйгуры, городе покоится Аманнисихан – собирательница уникального памятника музыкальной культуры «Двенадцать мукамов». Разумеется, я с детства знал об этой великой женщине, но в 2012 году во время моей первой экспедиции в Кашгар узнал ее литературный и музыкальный псевдоним.

У моего двоюродного брата Юсупа – человека, влюбленного в музыку, родились внучки-двойняшки. Одну из них назвали Нафисой. Это имя мне было хорошо знакомо с детства. Так звали одну из учительниц нашей школы – преподавателя химии, казашку. Кажется, она была родом из Астраханской области. Услышав это имя от Юсупа ака, я спросил у брата:

– Почему вы назвали её Нафисой? Я не слышал, чтобы у нас, уйгуров, так называли девочек.

– Разве ты не знаешь, Исмаилжан, что это псевдоним великой Аманнисихан? – ответил Юсуп ака. Так я впервые услышал второе имя великой Аманнисихан и надолго запомнил этот разговор.

Еще раз хочу вспомнить слова Чокана: «Относительно музыки кашгарцы пользуются у всех среднеазиатов почетом. На пиршествах всегда должна быть музыка. Один или два певца под удары ручных бубнов читают стихи сначала из Алишера, а потом поют любовные и патриотические песни».

Уйгурский народ внес свой вклад в сокровищницу музыкальной культуры. Мои соплеменники гордятся легендарными «Двенадцатью уйгурскими мукамами». Я хочу перечислить их названия: рак, чабият, мушаврек, чаргах, пәнжигях, озхал, ажам, ушак, баят, нава, сигах и ирак. Они входят в единый цикл музыкальных, вокальных, хореографических произведений, являющихся уникальным шедевром музыкальной культуры уйгуров.

Еще в детстве я знал, что для исполнения одного мукама требуется два часа времени, соответственно, для двенадцати – 24 часа. В целом в мукамах имеется 365 различных оригинальных мелодий, а суммарное количество стихов и народных бейтов составляет 4492 строки. Истоки мукамов были заложены в Кучаре еще в VI веке, а Аманнисихан собрала их в единое целое.

Для уйгуров числовое значение мукамов, количество песен и музыкальных произведений имеют сакральное значение. В 2005 году Международная организация при ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) включила «Двенадцать уйгурских мукамов» в сокровищницу мировой культуры как уникальную музыкальную энциклопедию.

Я вспоминаю свое далекое детство, начало 70-х годов прошлого века. Тогда все уйгуры бывшего СССР с нетерпением ждали очередных пластинок, где были записаны «Двенадцать мукамов». Мой покойный отец мог слушать их часами и с большим уважением относился к Султанмурату Разамову, который создал ансамбль мукаmistов и записал шедевр из музыкального сокровища на Ташкентской фабрике грампластинок. В студенческие годы вместе со своими друзьями я любил слушать мукамы с не всегда понятными словами, которые нам переводил и комментировал знаток классической уйгурской поэзии Анвар Хаджиев.

Специалисты считают, что уйгурские мукамы появились в V–VI веках, а окончательно сформировались – в X–XII, но их поэтические тексты с годами менялись. Эти печальные мелодии сразу проникают в душу. Некоторые мукамы были созданы на стихи Алишера Навои (1441–1501) – тюркского поэта, философа суфийского направления, государственного деятеля. Хочу напомнить, что он писал свои произведения на литературном чагатайском языке.

В краю Шести городов Алишера Навои всегда считали классиком отечественной поэзии. Произведения поэта до сих пор очень популярны в СУАР КНР.

Его творчество принадлежит всему тюркскому миру: оно должно объединять братские народы. По мнению Мухаммеда Хайдар Дулати (1499–1551), Алишер Навои происходил из уйгурских бахшей.

Члены нашей экспедиции «По следам Чокана Валиханова» подъезжают к могиле великой Аманнисихан (Нафисы, 1523–1557). Она покоится в центре древнего города, где находятся мазары правителей из династии Саидханов. Центр древнего Яркенда называют Алтунлук – то есть «золотой», и это, конечно, не случайно. В грандиозном дворце жили уйгурские ханы. Весь этот комплекс – замечательный памятник позднего средневековья. Его построили уйгурские мастера. Именно здесь правили государством монархи из династии Саидханов. Здесь же они нашли вечный покой в ханском пантеоне. Комплекс Алтунлук входит в золотую сокровищницу национальной архитектуры.

Вместе со своими друзьями-спутниками медленно, не торопясь, обхожу уникальные памятники зодчества: знакомлю соотечественников с историей Саидийского государства и страницами из биографии Аманнисихан. Поражают своей красотой величественные ворота, дворцовые стены, украшенные узорами и национальным орнаментом. Рядом с дворцом находится старинная мечеть, у которой покоятся ханы. В центре этого комплекса и находится усыпальница Аманнисихан. Неподалеку гробница Саидхана, рядом лежит Абдрешитхан, муж Аманнисихан. Здесь же могила великого поэта и музыканта Кыдырхана Яркенди (к этому человеку в государстве относились с огромным уважением: он нашел вечный покой в ханской усыпальнице).

Мы долго ходим по этим дорогим местам. Нас охватывает трепет, ведь здесь лежат люди, которые правили Саидийским государством в течение нескольких поколений. Друзья-спутники ушли... Я продолжаю сидеть у могилы великой Аманнисихан, вспоминая двенадцать частей уйгурских мукамов, в ушах звучат печальные звуки сатара.

Аманнисихан – волшебница уйгурской музыки

Удивительная судьба прекрасной Аманнисихан – единственной дочери дровосека Махмута. В прошлом главный библиотекарь страны, из-за дворцовых интриг Махмут был вынужден покинуть столицу и жить в лесу. Аманнисихан посчастливилось быть ученицей знаменитого музыканта и поэта Кыдырхана Яркенди. Он поверил в необыкновенный дар девочки: ведь уже в тринадцать она не только прекрасно пела и играла на сатаре, но также сочиняла великолепные стихи.

Молодой хан Абдрашит, переодевшись в простолюдина, любил объезжать свои владения. Как-то раз он услышал сказочно красивую музыку, исполняемую на сатаре. Мужчина подъехал к дому, из которого доносились волшебные звуки, зашел туда и к своему великому удивлению увидел, что исполнительницей оказалась совсем юная девушка. Восхищенный хан узнал, что она не только играет, поет, но и слагает стихи.

Позже, переодевшись в ханскую одежду, Абдрашит вернулся в этот дом и сделал юной красавице предложение руки и сердца. Так простая девушка Аманнисихан стала женой хана. Будучи очень образованным и просвещенным, он тоже любил музыку, стихи. Хан создал все условия для своей талантливой Аманнисихан, чтобы её гений окончательно раскрылся. Выдающийся музыкант того времени Кыдырхан Яркенди продолжал быть наставником девушки.

Аманнисихан стала мудрой ханшей. Она помогала мужу править государством, но вошла в историю уйгурского народа как человек, который собрал, систематизировал и переложил на ноты «Двенадцать мукамов». Это было главное дело ее жизни. Этим она обессмертила свое имя.

Великим сыном Яркенда был и замечательный уйгурский поэт-классик Мухаммед Садык Залели. Он прожил жизнь, насыщенную драматическими событиями. Родился поэт в 1674 году, а умер – в 1743-м. Залели работал в различных жанрах: писал газели, рубаи, касьды. Энциклопедически образованный, он творил не только на родном языке, но и на фарси. Очевидно, Залели был странствующим монахом-дервишем. Он побывал во многих шахарах края Шести городов. И я видел дервишей в этом старинном городе, когда был у могилы Аманнисихан. В одном из своих последних рубаи Залели писал:

*Беззубым старцем стал, достиг семидесяти лет.
От одиночества устал, не мил весь белый свет.
Друзей мне вновь не обрести, а старых не найти,
И не с кем душу отвести, и милой рядом нет.*

Перевод Мурата Хамраева

Не только Чокан Валиханов, но и другие представители казахской интеллигенции восхищались сказочными мелодиями «Двенадцати мукамов». Видный уйгурский прозаик Шаим Шаваев (1938–2010) рассказывал мне, что выдающийся казахский писатель, драматург и литературный критик Аскар Сулейменов (1938–1992) любил часами слушать мукамы. Страстным поклонником и знатоком уйгурских мукамов также был известный общественный деятель Айтан Нусипхан: об этом мне поведал казахский мыслитель и гуманист Мурат Ауэзов (1943–2024), который сам восхищался их чарующими звуками.

Напротив усыпальницы Аманнисихан находится старинный этно-ресторан, где я уже бывал прежде. В нем мы и решили пообедать. Поднялись на второй этаж. Администратор предложила нам расположиться в отдельной, но открытой кабинке. Еда была традиционная – из уйгурской национальной кухни, которую полюбили мои спутники. В большом зале были накрыты столы. В нем находились человек сорок, причем, большая часть – женщины. Люди молча, не разговаривая, стали есть.

Я не понял, зачем они собрались. Подошел к ним спросить об этом. «У нас сегодня “кичик той” (малая свадьба)», – ответила одна из женщин, показав на молодых, которые сидели за разными столами, но по соседству друг от друга. Мой жизнерадостный и коммуникабельный друг Роман Ботабеков стал громко поздравлять жениха и невесту. И я поздравил молодых, сфотографировавшись с юной парой.

К сожалению, на этой мини-свадьбе мы не услышали печальных и веселых песен Аманнисихан, не увидели зажигательных танцев юношей и девушек, которыми восхищался наш Чокан. Люди Яркенда мне показались по-особому красивыми. Они были высокими и стройными, с правильными чертами лица. В их облике проглядывало что-то античное.

Наступило время уезжать. Наш путь лежал в старинный город Хотан, который находится на самом южном краю огромного тюркского мира...

Продолжение в № 11, 2025.